

РЬЦАРИ
ИЕРУСАЛИМА

Денис Златопольский, после окончания Иерусалимского университета совмещал работу в музее по реконструкции древних ремесел с экспертизой подлинности антиквариата. Таким образом, Денис познакомился не только с академической археологией, но и увидел, как выглядит закрытый мир «черных копателей». Окончив курсы при министерстве туризма, он начал работать гидом, а интерес к теологии привел его к работе с православными паломниками.

Григорий Тамар, офицер запаса, биолог по образованию, занимался медицинскими исследованиями, но в Израиле его больше знают как музыканта и общественного деятеля. Он выпустил несколько сольных альбомов. В 2003 году Григорий успешно реализовал свой первый проект – Иерусалимский фестиваль русского рока. В последующие годы он выступал генеральным продюсером десятков важных культурных проектов. В 2008 году Григорий Тамар баллотировался на выборах в Иерусалимский городской совет. Опыт политической борьбы и интерес к военной истории привели его в журналистику.

Денис ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ

Григорий ТАМАР

РЫЦАРИ ИЕРУСАЛИМА

ЯУЗА-КАТАЛОГ
МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-67

Златопольский, Денис.

3-67 Рыцари Иерусалима / Денис Златопольский, Григорий Тамар. — Москва : Яуза-каталог, 2017. — 320 с. — (Рыцари Иерусалима).

ISBN 978-5-906716-87-3

Сенсационная находка в окрестностях Иерусалима взбудоражила коллекционеров оружия и знатоков истории.

При туманных обстоятельствах был обнаружен офицерский компас Люфтваффе. На нем отчетливо видны две гравировки: более поздняя надпись на иврите скрывает немецкие буквы. Первая датирована 1941 годом: «Дорогому другу Амину аль-Хусейни от Германа Геринга». Гравировка на иврите гласила: «Товарищу Александру от Арика с пролетарским рукопожатием 1.05.1948».

Узнав об этой находке, в Иерусалим приезжает бывший генерал ГРУ Верещагин, тот самый «товарищ Александр», получивший в подарок трофейный компас за помощь в обучении бойцов спецназа от самого Ариэля Шарона, в те далекие годы командовавшего взводом.

Этот визит срывает настоящую лавину событий, в которых оказываются замешаны интересы спецслужб и России и Израиля, Кнессета, Моссада, Иерусалимской Православной Церкви, Братства Святого Гроба Господня, палестинских боевиков, безжалостно уничтожаемых спецподразделениями ЦАХАЛа, русскоговорящих граждан Израиля и армянской диаспоры. У каждого времени есть свои Рыцари...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906716-87-3

© © Златопольский Д., 2017
© Тамар Г., 2017
© ООО «Яуза-каталог», 2017

*Наши первый роман —
любимым дочерям
Софии, Альвит и Этель*

Пролог

Этим символичным словом «Массада» в аэропорту Бен-Гурион обозначен выход для пассажиров, которые прилетают на частных самолетах. В тот момент, когда здесь показался человек в традиционном костюме религиозного иудея, я понял, что день 11 января 2014 года для меня не задался. Вспомнился разговор накануне — предлагали работу. Очень важный клиент прилетает на собственном самолете из Москвы. Запланирован прием в гостинице «Царь Давид», а дальше мы на вертолете направимся из Иерусалима в Цфат, на древние кладбища еврейских праведников.

— Именно вы, Денис, должны вести эту экскурсию, — с нажимом сказал мне секретарь.

— Вы знаете, иудаизм — это не моя специализация. Если наши гости интересуются еврейской традицией, то у меня есть партнер Григорий, у него за плечами религиозный еврейский университет.

— Нет, что вы, наши гости в основном православные.

Я вспоминал эти слова, рассматривая ортодоксального иудея, который прилетел в компании, где даже охранники были в кипах. Я подумал, что у слова «ортодоксальный» могут быть совершенно разные значения. Теплилась надежда, что это все же не мои клиенты, но тут я узнал голос подскочившего ко мне секретаря. Именно с ним я говорил по телефону.

Мы сели в роскошный микроавтобус. Мне приветливо улыбнулся человек, который по еврейской традиции не снял шляпу даже в салоне автомобиля. Рядом с ним суетился секретарь. В соседних креслах с трудом поместились два дюжих молодца. Самый главный, которого я про себя окрестил раввином, сказал что-то охране на идише. «Интересно, а по-русски-то он понимает?» — с надеждой подумал я и начал экскурсию.

«Раввин» смотрел на меня улыбаясь и внимательно слушал, не перебивая. «Что же может быть ему интересно?» Я затрагивал разные темы, пытаюсь увидеть интерес в глазах клиента, но выражение его лица все так же оставалось снисходительно вежливым. С таким же успехом можно было рассказывать таблицу умножения. Я растерянно замолчал. Повисла неловкая пауза.

— «Офицерское братство»?.. — с широкой улыбкой произнес «раввин» по-русски.

— Простите, что? — не веря своим ушам, спросил я.

— Денис, расскажите нам лучше об «Офицерском братстве» — тайной организации, которая ставит своей целью восстановление Византии с тремя столицами: в Москве, Константинополе и Иерусалиме, — произнес он с едва заметным акцентом.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите услышать?..

РЫЦАРИ ИЕРУСАЛИМА

— Ну как же! О том, что по промыслу божьему именно русские должны быть той твердыней веры, которая объединяет все православные народы, об их извечной борьбе с англосаксами.

Мне, как экскурсоводу, приходилось не раз выслушивать самые невероятные истории от клиентов, а потому я не сильно удивился. Ну что? Очередной богатый чудак... Возвращая ему улыбку, сказал:

— Это прямо-таки сценарий шпионского романа.

«Раввин» в ответ рассмеялся:

— Хорошо... Поговорим тогда об Александре Владимировиче Верещагине и его роли в событиях 1947 и 2001 годов. Расскажите о том, как он сорвал ту судьбоносную сделку на землю.

— Как? Вы знали Верещагина? — на этот раз уже удивился я.

— Ну зачем же о столь интересном человеке говорить в прошедшем времени?

— Насколько я слышал, ту сделку аннулировал Верховный суд государства Израиль, — возразил я.

Но развить тему мы не успели. Машина плавно подкатила ко входу гостиницы «Царь Давид». Почувствовав себя не в своей тарелке, я начал думать, как мне вежливо откланяться, но секретарь дружелюбно взял меня под руку и доверительно прошептал:

— Мар¹ Мерон — великий человек. Вам, Денис, будет очень полезно с ним познакомиться...

В окружении гостей я оказался на террасе с видом на Старый город, где был сервирован шведский стол.

¹ Господин (*иврит*). В дальнейшем, не желая перегружать книгу комментариями, авторы рекомендуют читателю искать значение выделенных курсивом слов в Интернете.

Богатой публики было немного. В глаза бросались суетливые референты. Чуть в стороне переминались с ноги на ногу охранники. В основном была слышна английская речь. Мой телефон пискнул в кармане, принимая SMS. Улучив момент, я взглянул на экран. Пришло сообщение от Гриши: «Братан, сегодня Ариэля Шарона отключили от аппаратов жизнеобеспечения. Нам необходимо немедленно встретиться». Я написал в ответ: «Сейчас не могу, я с клиентом в отеле «Царь Давид».

«Где именно?»

«На главной террасе».

«Я тебя вижу. Срочно уходи оттуда, спустись в лифте на этаж ниже».

Покинув собрание, я в недоумении направился к лифту. Навстречу мне выбежал Гриша.

— Что ты тут делаешь? — удивился я.

— Долго объяснять. Ты приехал вместе с Мероном?

— Да, с тем солидным раввином.

— Да какой он раввин? Наш раббанут наложил на него херем. Он один из тех, кто десять лет назад проклял Шарона на кладбище в Цфате.

— Значит, и он участвовал в каббалистическом обряде пульса де нура, после которого наш премьер впал в кому?

— Именно. Тогда все посмеялись, но проклятие сбылось, и десять лет Шарон был «живым трупом». Сегодня он официально умер, и это значит, что нам надо срочно скрыться.

Тут двери лифта распахнулись. На нас смотрел постаревший, но все такой же сухой и жилистый Шай. Не сговариваясь, мы было ринулись на него.

РЫЦАРИ ИЕРУСАЛИМА

— Не-а! Не дергайтесь! — повел он дулом пистолета. — Это чтобы вы меня выслушали. Я выведу вас отсюда. И лучше вам не знать, чей это приказ.

Шай демонстративно вернул пистолет в кобуру и, уверенно показав нам спину, быстро двинулся по подземным переходам. Мы бежали за ним. Металлическая дверь распахнулась, и на мгновение солнечный свет ослепил нас. Шай отступил назад, пропуская нас, сам же остался в полумраке помещения:

— Бегите сейчас в аэропорт, больше вас некому защитить, — сказал он на прощание и с лязгом захлопнул дверь.

— Ну что? Полетели в гости к Цукеру в Москву? — невесело предложил я.

Гриша покачал головой:

— За последние годы мы с тобой много раз убежали... У меня есть другой план. Мы сейчас вытащим батарейки из телефонов, возьмем такси, поедem в берлогу к дяде Вове и не выйдем от него, пока не запишем ту историю до конца. — При этом он торопливо посылал SMS жене.

— Ты хочешь обратиться к журналистам?

— Пока рано, у нас нет прямых доказательств. Я хочу, чтобы мы с тобой написали приключенческий роман.

— Детектив? — начал я что-то понимать.

— Да, имя Ариэля Шарона мы оставим, остальные изменим. За десять лет многое забылось... А потом, если мы с тобой напишем правду, то нам все равно никто не поверит.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Гриша продолжал:

Денис Златопольский, Григорий Тамар

— Этот роман станет нашей гарантией безопасности. Подумаешь, два экскурсовода написали приключенческую книгу... А вот если нас вдруг найдут насмерть подавившимися иерусалимской клюквой или средиземноморская волна невзначай смоеет нас с пирса, вот тогда на эту книгу посмотрят совсем по-другому...

Часть первая

НЕМЕЦКИЙ КОМПАС

Глава 1

Немецкий компас

Рассказывает Максим

Эта история началась во время осеннего еврейского праздника Суккот. Временные навесы, прикрытые пальмовыми ветвями, дощатые домики, украшенные как новогодние елки, выросли рядом с многочисленными ресторанами и кафе на одной из центральных улиц Иерусалима — Эмек-Рефаим, что в районе, который называется «Немецкая колония».

Мне не терпелось показать Льву одну вещицу. После тренировки в нашем клубе я затащил его в кафе. Положив на стол компас, подождал Лёвиной реакции. Повертев его в руках, он заметил:

— Максим, на первый взгляд это офицерский компас люфтваффе. Каким образом он попал к тебе, это же не твоя тема?

— Я его откопал в одной из лавок семейства Баракат. Помнишь дедушку, который был связан с историей находки Кумранских свитков? Ты знаешь, после того как Шарон поднялся на Храмовую гору...

— Да, — перебил Лёва, — жалко ребят, которых разорвали живьем в Рамалле. Это была точка невозврата: наши ответят, и мясорубки теперь не избежать!

— Так вот, Старый город уже среагировал: туристов поубавилось, лавки полупустые, тоска и скорбь поселилась в глазах торговцев. Вот Али и отдал мне его за несколько десятков шекелей, скорее из спортивного интереса.

Казалось, что на улице Эмек-Рефаим, которая когда-то называлась Газа-штрассе, до сих пор гуляют Гензель и Гретель, мечтавшие о пряничном домике. Уже полстолетия здесь не слышно немецкой речи, а сами немцы остались только на местном кладбище, но до сих пор тут лучшие европейские кафе в Иерусалиме. Здесь торговали все больше пиццей, гамбургерами и другими блюдами западной кухни, а не победившими в Израиле восточными фалафелем и шаурмой. Было вкусно, тепло и уютно, но буквально в нескольких километрах от нас уже зашевелились силы, требующие человеческих жертвоприношений...

За то время, что я предавался размышлениям над чашкой крепкого капучино, Лёва застегнул ремешок компаса на бедре. Трудно сказать, какого роста был Лев, он был намного ниже меня. В его фигуре доминировали плечи, откуда торчали длинные мускулистые руки боксера, а к ним была приставлена рано начавшая лысеть умная еврейская голова.

— А компас все еще рабочий, — вывел он меня из раздумья. — Помнишь, «Лучший друг физкультурников» товарищ Сталин в 1948 году передал Израилю

через Чехословакию массу трофейного оружия? До сих пор на наших армейских складах можно найти вещи со стертой свастикой. Поэтому ничего странного в том, что немецкий трофейный компас послужил еврейской армии.

— Это понятно, но ты посмотри, что самое интересное, — там еще есть гравировка на иврите. Именно из-за нее я его и взял.

Лёва снова всмотрелся в компас и начал разбирать гравировку.

— Первое слово «товарищу», потом — «Александру», а вот дальше буква алеф. Это может быть Арик или Эрик. Получается: «Товарищу Александру от Арика с пролетарским рукопожатием. 01.05.1948».

Его глаза сузились, сфокусировавшись на надписи:

— Есть еще кое-что интересное! Ты обратил внимание, что надпись на иврите идет поверх полустертой немецкой?

— Ну и что? Сам же говорил о трофеях с войны, — рассеянно сказал я, смотря по сторонам. По залитой солнцем улице гуляли миниатюрные миленькие израильтяночки.

— Говорить-то говорил, но сопоставляя даты... Есть одна мысль. Допивай кофе, и пойдем к Рабиновичу... Пей, я тебя не тороплю.

Мне ужасно не хотелось никуда идти, но в Лёвиной позе читалось совершенно противоположное намерение. Я улыбнулся, вспомнив Рабиновича. В годы учебы в университете он бесил преподавателя немецкой литературы, принося на занятия Гёте в оригина-

ле, да еще и цитировал его баллады на память. Тоже, разумеется, в оригинале. Но дойти до всезнающего друга сегодня нам было не суждено. Лавируя между столиками, мы увидели идущих нам навстречу собаку и человека.

Первое, что бросалось в глаза, — это пышные усы хозяина собаки, переходящие в роскошные бакенбарды, которые топорщились, как паруса на почти двухметровой мачте Бениного роста. Черная майка, армейские штаны, заправленные в австрийские военные ботинки, и крупная немецкая овчарка. Все это складывалось в фигуру Бени Ганса, или просто Ганса. Следует заметить, что кобеля благородной овчарки звали так же.

Выражение лица Лёвы при появлении этой фигуры говорило о резкой зубной боли.

Беня, увидев нас и не выпуская из рук бутылку пива и сигарету, шумно ринулся здороваться:

— Ну, камрады, присоединяйтесь!

— Куда?

— Дата была: годовщина Имперского партийного съезда в Нюрнберге! Иду медитировать на кладбище.

— А мы вот тут в шалаше Суккот отмечали, — с прищуром глядя снизу вверх и растягивая слова, как бы перемалывая их жерновами своих плеч, сказал Лёва.

— Лев, пойдём! Заодно поговорим с Беней о находке.

Через несколько минут мы оказались перед изящными металлическими воротами в высокой каменной ограде кладбища. Беня, ненадолго пропав, вернулся с ключом и, подмигнув, произнес:

— Сказал монахине пару слов по-немецки, объяснил, что на могилу родственника.

Мы очутились на небольшом ухоженном кладбище. Бенья закрыл за нами ворота и двинулся широким шагом к современному монументу, по пути громко рассказывая:

— Вон там покоится Кристофер Хофман, основатель движения «Новые тамплиеры».

Пройдя за ним и напрягая свой немецкий, я перевел: «Памяти 450 погибших в войнах 1914—1918 и 1939—1945 годов».

Бенья упал ниц перед памятником и начал выполнять буддистские простирания. Улыбка на лице Лёвы была от уха до уха, а в глазах плясали смешинки. Мне тоже стало весело. Бенья, вскоре запыхавшись, обратился к нам, протягивая что-то на ладони:

— Будете?

— А что это?

— Кислота, конечно, — буркнул он, — чтобы медитация легче пошла.

— Бенья, прежде чем ты окончательно замедитируешь, — обратился к нему Лев, — мы хотели показать тебе одну вещь.

Бенья суетливо схватил своими ручищами компас, повертел его и забегал, ища больше света. Его лицо — плод любви не всегда братских еврейского и украинского народов — задвигалось. И без того выпученные глаза готовы были вылезти из орбит, нос-картошка покраснел, а на толстых губах запузырились слюни.

— Ты меня слушаешь, слушаешь? Это Герман, Герман! Подарок от Германа! — громыхал Бенья.

— Какой Герман?